ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

КЛИМ АРДАШЕВ. НАЧАЛО

УБИЙСТВО ПОД ТЕМЗОЙ

Клим Ардашев

Иван Любенко

Убийство под Темзой

«Автор»

2023

Любенко И. И.

Убийство под Темзой / И. И. Любенко — «Автор», 2023 — (Клим Ардашев)

Июнь 1888 года. Студент Клим Ардашев послан в Англию в двухнедельную научную командировку. Ещё на пароходе он знакомится с английским учёным. Договорившись встретиться с ним в Лондоне, Клим находит его смертельно раненным в тоннеле под Темзой. Умирающий профессор просит русского студента найти его убийцу. Выполняя последнюю волю покойного, Ардашев оказывается вовлечённым в опасное расследование и даже попадает в тюрьму, но в итоге опережает Скотленд-Ярд в поимке преступника.

© Любенко И. И., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 26
Глава 3 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Иван Любенко
Убийство под Темзой

Серия «Клим Ардашев. Начало»

* * *

Выражаю благодарность Климу Агаркову

Глава 1
Мёртвая роза

Лондон, 18 июня 1888 года, суббота

Клим Ардашев, студент факультета правоведения Императорского Санкт-Петербургского университета, облачённый в лёгкую крылатку, чёрный сюртук, жилетку и котелок, уже выкурил вторую папиросу, рассматривая вход в подземную галерею, проходящую под Темзой. В этот самый момент, когда раздался первый удар колокола часов на башне Вестминстерского дворца, Ардашев поправил чёрный галстук на белой сорочке с отложным воротником и щёлкнул серебряной крышкой часов. Стрелки «Qte САЛЬТЕР»[1] сошлись на двенадцати. Клим сунул часы в кармашек жилетки и досадливо посмотрел вокруг. Мимо проносились кебы, стучали аршинными[2] колёсами омнибусы, и, выбрасывая вперёд трость, прогуливались пожилые джентльмены в цилиндрах с напыщенными, как у всех аристократов, лицами. «Неужели он не придёт? – с горечью подумал молодой человек, поглаживая тонкую нитку усов. – А ведь договаривались… Может, профессор просто опаздывает? Вероятно, спешит, нервничает… В таком возрасте, когда тебе уже шестьдесят, торопиться опасно. Сердце может не выдержать. Что ж, пожалуй, пойду навстречу».

Пешеходный тоннель, обозначенный серой приземистой башней, начинался от самого Тауэра и заканчивался в южной части города, среди расположенных тут складов и фабричных зданий. Этот переход представлял собой чугунную трубу около сажени[3] в диаметре. Вход и выход осуществлялся по винтовым железным лестницам. За переход нужно было отдать полпенса. Сборщик оплаты находился у северного выхода, а с южного конца вход был свободен, но тот, кто, выбравшись к Тауэру, отказывался платить, был вынужден воротиться назад и вновь преодолевать двести саженей пути.

Расставшись с медной монетой, Ардашев вошёл в тёмное, тускло освещённое электрическими лампами пространство. Пахло сыростью. Шаги отдавались гулким стуком и, казалось, проникали в самое сердце. Встречных прохожих почти не было. Когда до южного берега реки оставалось менее половины пути, неожиданно раздался женский крик:

– Help![4]

Клим понёсся вперёд и остановился перед лежавшим на спине профессором. Вокруг уже собрались любопытные. Бедолага был ещё жив, но кровь хлестала из пробитого горла и попала на Ардашева. Мистер Пирсон пытался закрыть руками рану. Рядом с ним валялся окровавленный тесак и красная матерчатая роза на длинной ножке.

– Professor?[5] – склонившись над несчастным, вопросил Ардашев.

– Oh…[6]

– What`s happened?[7]

---

[1] Часы «Qte САЛЬТЕРЪ» («Качество Сальтера») названы так по имени английского торгового дома John Salter. Данная модель серебряных часов именовалась «Часы для Россiи» и выпускалась с 1870 по 1890 год. Использовался механизм архаичного типа с подзаводом и переводом стрелок ключиком (здесь и далее комментарии автора).

[2] Аршин – 0,71 м.

[3] Сажень – 4,27 метра, или 14 футов, или 4,67 ярда.

[4] Помогите! (англ.)

[5] Профессор? (англ.)

[6] Ох (англ.).

[7] Что случилось? (англ.)

– Find him…[8] – просипел он, и его глаза остекленели.

Послышался полицейский свисток, и откуда-то из-за спины неожиданно появился констебль. Увидев, что жертва мертва, он с недоверием уставился на Клима, а потом сказал на английском:

– Вы застигнуты на месте преступления. Скрываться не советую. Вы арестованы.

– Позвольте! – запротестовал Ардашев. – Я не имею никакого отношения к этому убийству.

– А вот об этом вы расскажете уже в участке, – вымолвил полицейский, и на руках петербургского студента захлопнулись наручники.

II

Все остальные дни для Клима были одним жутким кошмаром. Казалось, стоит лишь проснуться, и он исчезнет, но ужас действительности никак не проходил.

Мысли невольно возвращались назад, в столицу, когда ректор Императорского Санкт-Петербургского университета Михаил Иванович Владиславлев решил поощрить лучшего студента юридического факультета двухнедельной поездкой в Лондон на казённый кошт с одним лишь условием: после возвращения Ардашев должен был подготовить подробный доклад на факультете о коронерском дознании, поскольку в прошлом, 1887 году парламент Великобритании принял новый закон о коронерах, базирующийся на De Officio Coronatoris 1276 года, утверждённом ещё во времена короля Эдуарда I. Ардашеву предписывалось посетить открытые судебные заседания и даже наведаться в Скотленд-Ярд, чтобы непосредственно увидеть, как работает самая отлаженная полицейская машина в мире. Для этой цели ему были выданы рекомендательные письма. В случае каких-либо затруднений студент должен был обратиться за помощью к российскому консулу в Лондоне.

Заграничный паспорт и въездная виза были получены быстро, и всего восемь дней назад транспортно-пассажирский трёхмачтовый[9] пароход «Эльвира» (Elvira) компании «Кьюнард Лайн» (Cunard Line) отчалил от пристани Санкт-Петербурга, держа курс на Лондон с коротким заходом в Копенгаген.

Каюта третьего класса предназначалась для четырёх человек, и потому Ардашев предпочитал большую часть дня находиться на палубе. Один из попутчиков, репортёр газеты «Неделя», узнав, что Клим окончил два курса юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, поинтересовался, а не сталкивался ли он со студентом Ульяновым, казнённым за приготовление к покушению на Александра III. Клим непредусмотрительно ответил, что познакомился с ним два года тому назад, когда сдал вступительные экзамены. После этого признания отвязаться от навязчивого писаки было почти невозможно.

Надо сказать, что Александр Ульянов, ставший студентом этого университета ещё в 1883 году, сам подошёл к Ардашеву и представился. Оказалось, что его двоюродные братья и сестра из Казани по линии матери были однофамильцами Клима[10]. Разве мог недавний выпускник

---

[8] Найдите его (англ.).

[9] В те времена на всех пароходах были мачты и имелись паруса, чтобы в случае отказа парового двигателя судно оставалось управляемым.

[10] Родная сестра матери Александра Ульянова – Любовь Александровна Ардашева (урождённая Бланк) – со своим мужем надворным советником Александром Фёдоровичем Ардашевым воспитывала восемь детей (Фёдора, Алексея, Александра, Дмитрий, Георгия, Виктора, Евдокию и Владимира). Все они родились в Перми и были крещены в православной церкви. В Казанской губернии они имели довольно большой земельный надел и собственную мельницу. Именно Ардашевы помогли семье Ульяновых после смерти отца и казни старшего Александра перебраться в Казань. Многие из Ардашевых впоследствии стали юристами, военными и один сын врачом. Владимир Ульянов (Ленин) часто посещал в Казани шахматный клуб вместе с двоюродным братом Александром Ардашевым (1866–1933), позже состоявшим в партии кадетов. Братья Ардашевы придерживались курса мирного демократического преобразования России и выступали за Учредительное собрание, а после больше-

мужской гимназии провинциального городка с пятидесятитысячным населением представить, что его новый знакомец задумает совершить террористический акт на Невском проспекте возле Адмиралтейства и Казанского собора в воскресный день, когда там будет полно народу? Откуда Ардашеву было знать, что молодой душегуб не только изготовит взрывчатое вещество, но ради большего количества жертв начинит бомбу поражающими металлическими элементами, обработанными стрихнином? Кто тогда мог предположить, что Ульянов, лучший студент естественного отделения физико-математического факультета естествознания, получивший золотую медаль за научный труд по исследованию кольчатых червей, и любимчик профессора Менделеева, жаждал смерти самого государя Александра III? Слава богу, что Клим не продолжил с ним знакомство и не попал в число студентов, отчисленных из университета за неблагонадёжность. Планируемый Александром Ульяновым теракт привел к тому, что уже с 1888 года абитуриентами Санкт-Петербургского университета могли быть только лица, окончившие гимназию в Петербургском округе и имеющие в столице родственников, у которых они могли поселиться и быть под их присмотром. Получить стипендию стало намного сложнее, и плата за обучение была повышена вдвое. Государственный преступник Ульянов, закончивший жизнь на виселице во дворе Шлиссельбургской крепости, исковеркал судьбы сотен, если не тысяч сверстников, не говоря уже о трагической участи своих соумышленников.

Избавившись от общества надоедливого, как икота, газетчика, Клим выбрался на палубу, вынул из кожаного портсигара папиросу марки «Скобелевские» и закурил.

– Excuse me, would you be so kind to give me your matches?[11] – проговорил кто-то за спиной.

Студент обернулся. Перед ним стоял убелённый сединой подтянутый старик лет шестидесяти с бритым лицом и трубкой во рту.

– Yes, sir[12], – ответил Ардашев и, протянув коробку, добавил: – With great pleasure[13].

– You are so kind[14], – в ответ улыбнулся англичанин и, прикурив, вернул спички молодому попутчику.

Дальнейшая беседа постепенно стала доставлять удовольствие обоим, благо Ардашев по-английски изъяснялся свободно. Незнакомец оказался профессором химии из Лондонского института, возвращающимся на родину после участия в международном научном симпозиуме, проходившем в Императорском Санкт-Петербургском университете по инициативе всемирно известного учёного профессора Менделеева. Он, оказывается, интересовался русским языком, а Клим с удовольствием упражнялся в разговорном английском. Это и сблизило двух совершенно разных по возрасту и происхождению людей.

– Поверьте, мой юный друг, – выговорил профессор на английском, – наш язык прост и рационален по сравнению с русским. Возьмите, к примеру, слово defending, что в переводе на русский означает «защищающиеся». Сколько в нём букв?

– Девять.

– А в русском варианте?

Ардашев поднял глаза и, пошевелив губами, ответил:

– Двенадцать.

вистского переворота 25 октября 1917 года организовывали антибольшевистские стачки рабочих и уличные демонстрации на Урале и в Сибири. До октября 1917 года дожили только три брата (Александр, Дмитрий, Виктор) и сестра Евдокия. Виктор Ардашев (нотариус), видный член партии кадетов на Урале, был расстрелян красноармейцами в Екатеринбурге в 1918 году, в связи с чем В. И. Ульянов (Ленин) после встречи с двоюродным братом Александром Ардашевым приказал провести тщательное расследование инцидента, которое показало, что Виктор был якобы застрелен при попытке к бегству во время конвоирования. Правду о его убийстве мы уже никогда не узнаем.

[11] Извините, не будете ли вы так любезны дать мне ваши спички? (англ.)

[12] Да, сэр (англ.).

[13] С большим удовольствием (англ.).

[14] Вы очень любезны (англ.).

– Верно. Но чтобы написать его транскрипцию на английском, понадобится аж тридцать литер: zashtsheeshtshayoyshtsheekhsya. Мы называем это jawbreaker – трудное для выговора слово.

– В языке Альбиона тоже много забавного, – улыбнулся Клим. – Я прихватил с собой словарь английского жаргона, изданный в Санкт-Петербурге… Что может быть безобиднее словосочетания under the rose (дословно «под розой»)? Однако, как повествует словарь, эта фраза употребляется в латинском значении sub rosâ – келейно, секретно или как обязательство хранить молчание, поскольку в древности роза была символом тайны.

– О да! Согласно классической легенде, этот цветок был подарен Купидоном Гарпократу в виде взятки за то, чтобы он не разгласил любовную связь с Венерой. Но мне кажется, что русский язык по своей трудности перещеголял все остальные. – Профессор вынул из кармана записную книжку в сафьяновом переплёте, полистал её и сказал: – К своему удивлению, я узнал, что значений «употребить алкоголь» в вашем языке великое множество: ахнуть, двинуть от всех скорбей, дербануть, дербалызнуть, дёрнуть, дерябнуть, заложить за галстук, залить за воротник, куликнуть, зарядиться, медведя хватить, набусаться, приложиться, поправиться, раздавить баночку, раздавить муху, садануть, собачку пропустить, тюкнуть, усидеть графин, хватить, хлестануть, хлобыстнуть, царапнуть… И это, как я понимаю, далеко не всё! Но что удивительно, пробыв в Петербурге почти неделю, я не видел ни одного пьяного.

– На этот счёт у нас есть забавный анекдот. Судья спрашивает у извозчика: «Вероятно, пьян был? Вы водку пьёте?» Извозчик: «Пить-то пью, а только пьяным никогда не бываю». Судья: «А что значит “быть пьяным”?» Извозчик: «У нас, у русских людей, “быть пьяным” – это коли человек валяется на мостовой, а собака ему морду лижет».

Профессор рассмеялся и заметил:

– А в Лондоне, скажу я вам, иногда у пабов и такую картину можно увидеть. Правда, не в центре. Полиция, к её чести, быстро подбирает подобных выпивох.

Глядя на белые барашки волн, Ардашев спросил:

– И всё-таки интересно было бы узнать ваше мнение о Санкт-Петербурге. Что вам понравилось, а что – нет?

– Санкт-Петербург – вполне европейский город, – вымолвил англичанин и, пожав плечами, добавил: – Я заметил, что тамошние улицы тщательно вымощены мелким булыжником. Однако из-за этого стоит такой грохот от колёс экипажей, что поддерживать разговор в карете невозможно. Нева и Темза – очень похожи, а Невский проспект мне напомнил нашу Бонд-стрит. И тут и там дорогие магазины и картинные галереи. Мне понравилось русское правило не пускать опоздавших зрителей в театр после третьего звонка. Жаль, что у нас этого нет, хотя для европейца многие британские привычки тоже покажутся странными.

– Например?

– Во Франции и России комнаты расположены рядом, а у нас одна выше другой, но это обусловлено нехваткой площади под домом. У вас окна открываются направо и налево, а у нас одна половинка опускается, а другая поднимается и нет форточек. Везде наружные ставни, и только у нас – внутренние. В Париже и Риме цветы в горшках крепятся на внутренней стороне окна, а в Англии – снаружи. Но в этом есть своя прелесть, потому что, идя по улице, любуешься маленькими цветниками, а стоит отворить окно – вместе с ветром в комнату врывается благоухающий аромат. В Петербурге, Риме или Берлине мужчина первый кланяется при встрече со знакомой дамой, а у нас джентльмен ждёт, чтобы сперва леди ему поклонилась, поскольку он не знает заранее, захочет ли она его признать. В Европе сельские жители съезжаются в столицу зимой, когда поля под снегом и больше свободного времени, а в Британии – летом. Да и кучера в Англии держатся левой стороны, а в России – правой. К тому же наш извозчик сидит сзади седока и правит лошадью через голову пассажира, а в Санкт-Петербурге – наоборот.

– Великобритания отрезана от континента проливом. Возможно, в этом всё дело.

Профессор пожал плечами.

– Как знать? А вы надолго к нам?

– На две недели. Мне поручено ознакомиться с коронерским дознанием и по возвращении выступить с докладом. Хотелось бы попасть и в Скотленд-Ярд.

– Учитесь на юриста?

– Да, но подумываю перевестись на факультет восточных языков. Увлёкся арабским. Как прибуду в Лондон, обязательно куплю учебник арабского для англичан. Я стараюсь овладевать новыми языками с помощью ранее освоенных.

– Похвально! – затянувшись трубкой, проговорил профессор. – Если вы не против, молодой человек, я подарю вам карманный англо-арабский разговорник Спиерса. Эта книжка мне уже без надобности. Я прочёл её недели три назад, когда ездил по делам в Бодмин. Кстати, позвольте рекомендоваться – профессор Генри Пирсон.

– Клим Ардашев, – ответил на рукопожатие студент.

– А по отцу как величать?

– Клим Пантелеевич, – смущённо выговорил молодой человек.

– Хм… Пан-те-лее-вич, – с трудом выговорил мистер Пирсон на русском. – Очень приятно… Я знаю восемнадцать языков. Если желаете, можем перейти на арабский.

[51]– رائع!

После этой беседы встречи с профессором на палубе «Эльвиры» стали ежедневными. Они были для Ардашева единственным развлечением за все восемь суток пути. Последний раз попутчики общались утром того дня, когда судно, преодолев 1396 морских миль, приблизилось к Альбиону. Главная английская река, впадающая в мелководное[16] окраинное (Немецкое)[17] море, здесь так широка, что без подзорной трубы разглядеть противоположный берег невозможно. Но через каких-нибудь шестьдесят миль Темза сужается до четырёхсот ярдов[18]. Из великого мирового потока она делается деревенской речушкой. Однако до самого Оксфорда река настолько глубока, что по ней ходят колёсные пароходы. А если потратить ещё несколько часов плавания, а потом и путешествия верхом, то можно добраться и до истока – крохотного ключа, бьющего из земли на возвышенности Котсуолд-Хилс.

Вдоль берега виднелось бесконечное число фабричных труб и выползающий из них чёрными червяками густой дым, закрывающий небо плотной завесой.

У причалов отдыхали торговые суда, прибывшие с товаром из заморских колоний Британской империи, занимающей одну четвёртую часть суши на планете. «Господи, – подумал Ардашев. – А ведь могущественнее и богаче Великобритании сегодня нет ни одной державы. Эта страна сумела полностью обеспечить свой народ всем необходимым. Арктический мир Лабрадора[19] даёт Англии кожи и зубы полярных животных, Центральная Африка – слоновую кость. Канада шлёт пшеницу, лес и дорогие меха. В Австралии добывают золото, производят мясо, шерсть и вино. Южная Африка снабжает империю драгоценными камнями, ангорской шерстью, вином и страусовыми перьями. Индия производит рис и хлопок, джут, индиго, пряности и пшеницу. Цейлон – кофе, чай, шоколад и ваниль. Вест-Индия – табак и сахар, ром и кофе. Острова Индийского океана шлют в Лондон жемчуг. Из Западной Африки идут гумми-арабик, золото, растительные масла, из Сомали – меха и те же страусовые перья, из Египта – хлопок и пшеница».

---

[15] Прекрасно! (араб.)

[16] Средняя глубина – 95 м, но доходит и до 15 м.

[17] Так тогда называли Северное море.

[18] Ярд – 0,91 м.

[19] Один из крупнейших полуостровов мира, расположенный на востоке Канады, включающий континентальную часть провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, а также северные регионы провинции Квебек.

Пароходов и парусников было так много, что мачты казались лесом. Слышались крики грузчиков, визг строгальных машин и удары паровых прессов на близлежащих фабриках, перерабатывавших только что привезённое морем сырьё.

Ближе к городу картина стала немного меняться. Между фабриками показались восемь огромных доков с широкими каналами и корабли, пришедшие из всех частей света и ставшие на якорь.

Дым рассеялся. Замелькали приятные взору зелёные фермы с каменными домиками и лужайками. Только сельская идиллия властвовала недолго. И вновь упёрлись в небо кирпичные трубы, пускавшие едкий дым, а из мастерских опять раздавался скрежет и вой металла, и паровые лебёдки, точно волки, выли на пристани. Вдоль каменных набережных работали, скрепя от натуги, краны: ручные, гидравлические и паровые.

Когда «Эльвира» проплывала мимо старой башенки, мистер Пирсон сказал:

– Справа вход в тоннель под Темзу. Видите?

– Да, – кивнул Клим.

– Если хотите, буду ждать вас завтра в полдень у этого самого места. Я принесу вам обещанный разговорник и заодно покажу Лондон. Позже, если угодно, напишу вам несколько рекомендательных писем.

– Был бы очень вам признателен, профессор.

– Стало быть, договорились. А вы где планируете остановиться?

– Пока ещё не решил. Найду какую-нибудь гостиницу.

– Приличные отели довольно дороги. Советую вам обратиться в адресный стол. Они тут на каждом углу. Вам подберут комнату по вашему кошельку. Лондонцы часто сдают жильё внаём.

– Благодарю. Пожалуй, так и поступлю.

Пароход причалил к пирсу, и вояжёры, точно горох, высыпались на берег. Таможенные формальности не заняли много времени.

Попрощавшись с профессором, Ардашев нанял извозчика. Стала накрапывать морось. Благо пассажир в английском кебе совершенно защищён от дождя, поскольку, кроме верха (в непогоду опускается рама со стёклами), имелись дверцы до высоты груди. Переговоры с кучером, сидящим сзади, проходили через небольшое окошечко. В стенки кеба были вделаны два зеркальца, имелась пепельница, спички и особый карман с платяной щёткой и сегодняшней газетой. В данном случае это была «Таймс» (The Times). Кабина была идеально чистой. Извозчик с бритым лицом, в недорогом, высотой в десять дюймов[20], цилиндре, сюртуке, белоснежной сорочке и таких же перчатках, с цветком в петлице оказался ушлым малым. Первонаперво он отвёз клиента в меняльную контору. Курс фунта к рублю был один к десяти, хотя, как позже узнал из газет Клим, Банк Англии (Bank of England) брал за фунт на сорок шесть копеек меньше, то есть 9 рублей 54 копейки. Смекнув, что пассажир ещё не решил, где остановиться, кебмен предложил доставить его в одно, по его словам, уютное и недорогое гнёздышко.

Пока добирались до места, Клим то и дело глазел по сторонам. Один за другим посередине улицы двигались возы, гружённые мешками и бочками, их обгоняли двухэтажные, похожие на исполинов, омнибусы, раскрашенные в разные цвета и носящие на своих боках названия конечных пунктов маршрута; непрерывным потоком по тротуарам плыли чёрные мужские котелки клерков, фетровые шляпы рабочих, изредка цилиндры и канотье, а также элегантные женские шляпки; шум водяных колёс речных пароходов и свист выпускаемого пара сливались воедино, образуя общий живой гул Лондона – самого большого города на земном шаре. Если бы Рим и Византия, две столицы Древнего мира, могли в эпоху их наибольшего процветания слиться в один город, это был бы всего-навсего небольшой лондонский район.

[20] 25,5 см.

Неожиданно кеб замер у причала, где нашла своё последнее пристанище баржа с трёхэтажной надстройкой. На её борту красовалась надпись: «Agnes» («Агнесса»). Видя недоуменный взгляд иностранца, возница пояснил:

– Сэр, предлагаю вам снять комнату в boat-house. Как видите, это плавучий дом. Он имеет массу преимуществ. Во-первых, вы живёте в центре, но стоимость жилья здесь несравненно ниже, чем в обычном кирпичном особняке, во-вторых, сейчас лето и нет необходимости пользоваться камином, так зачем вам за него платить? В-третьих, перед вами прекрасный речной пейзаж. Тут есть всё необходимое и, как изволите убедиться, даже кресло-качалка на палубе. Многие лондонцы не уезжают за город, а проводят в таких плавучих квартирах всё лето. У воды и дышится легче, меньше угольного смога и больше солнца. В кронах деревьев поют птицы. Здесь же вы сможете и столоваться. Миссис Агнесса Тейлор весьма приветлива.

– Баржа названа её именем?

– Да. Так решил её муж. Он боцман на торговом судне, ходит в Индию и дома появляется редко. Он купил её в прошлом году. Если вас устроит цена, я сниму чемодан. А если нет – поедем искать новое пристанище. Но имейте в виду, сэр, скорее всего, в любом другом месте будет дороже.

– Что ж, посмотрим, – проронил студент.

– А вот и хозяйка, – кебмен указал на привлекательную даму лет тридцати, появившуюся на сходнях в длинном платье с турнюром.

Кучер спрыгнул с задних козел, поправил цилиндр и, расплывшись в улыбке, поинтересовался:

– Миссис Тейлор, не найдётся ли у вас свободной комнаты для гостя?

– Есть одна, наверху.

Клим вышел из кеба и, подняв край котелка, выговорил:

– Добрый день, миссис Тейлор! Я бы хотел прожить здесь две недели с завтраком и ужином. Позвольте узнать, во сколько это мне обойдётся?

Хозяйка окинула молодого человека внимательным взглядом, поправила непокорный локон, упавший на лоб, улыбнулась и пролепетала:

– Два фунта, сэр. Я не обещаю вам блюда, как в Букингемском дворце, но яичница с ветчиной на завтрак и ростбиф с кружкой портера к ужину будут всегда.

– Хорошо. Я остаюсь.

Обернувшись к вознице, Ардашев спросил:

– Не занесёте ли мой чемодан в комнату?

– Простите, сэр, – сняв багаж, надменно изрёк кучер. – Я всего лишь кебмен, а не носильщик.

– Сколько с меня?

– Двадцать пенсов.

К неудовольствию извозчика, пассажир расплатился медью.

– Прошу прощения, сэр, – недовольно промямлил кебмен, – но я видел у вас монеты серебром. Не могли бы вы рассчитаться со мной ими?

– К сожалению, нет, – поднимая жёлтый чемодан с металлическими уголками, бросил Ардашев. – Я не уличный торговец, чтобы копаться в фартингах[21].

Комната оказалась хоть и узкой, как гроб, но вполне сносной. Кроме кровати (чемодан упокоился под ней), стула и вешалки, в углу приютился небольшой столик с керосиновой лампой. Но главным преимуществом было большое окно, расположенное как раз напротив двери. И лёжа на кровати, можно было любоваться рекой и проходящими мимо парусниками. Их было гораздо больше, чем пачкающих небо баркасов и пароходов. Ужин тоже был неплох и

[21] ¼ пенни, мелкая монета (англ.).

подавался на первом этаже, в столовой, куда спускались остальные постояльцы. Не прошло и десяти минут после заселения, как миссис Тейлор принесла кувшин с тёплой водой, полотенце и таз для умывания. Побрившись, Клим надел свежую сорочку и спустился вниз, где его ждал приличный кусок свинины с картофелем и свежими овощами. Обещанная кружка портера оказалась очень кстати. Выкурив папиросу, он прогулялся вдоль реки и в первом же газетном киоске купил карту Лондона с подробной схемой метро и номерами маршрутов омнибусов с обозначенными остановками.

К своему удивлению, Ардашев заметил, что из-за тумана газовые фонари в Лондоне не гасили даже днём. Правда, газовое освещение уже уходило в прошлое, и центральные улицы освещались электричеством. Повсюду были протянуты телеграфные и телефонные провода, опутавшие город проволочной паутиной. Технический прогресс шагал по планете быстрее, чем обычный человек мог к нему привыкнуть. В столице Британии это было особенно видно.

Вечером усталость дала о себе знать. Новый постоялец плавучей гостиницы провалился в сон почти сразу, стоило лишь коснуться подушки.

А на следующий день, полный сил и надежд, поблагодарив миссис Тейлор за яичницу с ветчиной и ароматный кофе, русский студент первым делом проехал по городу на экскурсионном омнибусе, а потом отправился к Тауэрскому тоннелю на встречу с профессором Пирсоном.

III

Ардашева доставили в полицейское управление на Кингс-Кросс-Роуд. Российского поданного сначала завели в комнату регистрации и, отобрав заграничный паспорт, составили протокол задержания, но сразу почему-то не допросили. Полицейский снял с Клима наручники и повёл по коридору с зарешечёнными окнами. Камера находилась в южном конце здания.

Когда за спиной захлопнулась обшитая железными листами дверь, студент огляделся. Он оказался в небольшом, примерно две сажени в длину и два с половиной аршина в ширину, кирпичном помещении с белёными стенами, сводчатым довольно высоким потолком и цементным полом. В дверь был врезан глазок, отверстие для подачи пищи, а под ним крепилась деревянная полка, куда ставили миску с едой. Тут же находился электрический звонок для вызова охранника и одно зарешечённое окно. Оно располагалось над дверью, и с его наружной стороны имелась газовая горелка с рефлектором. У противоположной от двери стены – деревянные нары шириной не более аршина. На них – соломенный матрас и такая же подушка с грубым серым одеялом. При входе – ватерклозет. Водяной бачок был выведен наружу. В камеру выходило только кольцо для смыва. Вскоре в дверь просунули еду: полпинты супа[22], пять унций[23] белого хлеба и фунт[24] варёного картофеля. К еде узник не притронулся. Он пил только воду, стоявшую в железном баке, к которому прикрепили небольшой ковш на цепи. Сильно хотелось курить, но папиросы, спички, часы и деньги отобрали при личном обыске после регистрации задержания.

В голове арестанта проносились десятки мыслей. Они перемешивались, точно в чане, и, превратившись в непонятную массу, улетучивались в небытие, но им на смену приходили другие, ещё печальнее. Клим, сидя на нарах, тёр ладонями лицо, пытаясь прийти в себя, но ничего не помогало. Даже пальцы рук предательски дрожали, и влажным голышом в горле вставал противный комок, которой никак не удавалось проглотить. На глазах наворачивались слёзы. Он поднимался и нервными шагами мерил камеру: три с половиной шага вперёд, три

[22] 250 г.
[23] 145 г.
[24] 450 г.

с половиной – назад. В конце концов он не выдержал и нажал на электрический звонок. Громыхнула дверная кормушка.

– Что случилось? – прокашлял охранник на английском.

– Почему меня до сих пор не допросили? – возмутился Ардашев.

– Не могу знать.

– В таком случае я требую вызова российского консула! – прокричал узник.

– Хорошо. Я передам начальству, – ответствовал страж и захлопнул окошко.

Когда стало темнеть, с коридорной стороны окна загорелся газовый рожок, и в дверной кормушке появился ужин: пинта[25] овсяной каши и пять унций[26] белого хлеба. И вновь арестант отказался от еды. Он решил прилечь и развернул матрас. Заснуть мешал шорох, раздававшийся в углу. Вглядываясь в темноту, Клим увидел огромную крысу, появившуюся из канализационного отверстия. Она сидела и смотрела на арестанта, точно это была её камера, а он – новичок, невесть как тут оказавшийся. По всему было видно, что эта британская тварь не только не боялась человека, но и презирала его. Клим резко поднялся и с такой силой ударил ногой по серой наглой морде, что послышался хруст костей и жалобный писк. Он загнал незваную мерзость в угол и топтал каблуками до тех пор, пока та не испустила дух. Ардашев вновь надавил на пуговицу электрического звонка. По коридору послышались шаги, и кормушка открылась. Послышалось уже знакомое:

– Что случилось?

– В камеру проникла крыса. Я убил её. Уберите.

– Ещё чего! Уборка завтра, – огрызнулся стражник.

Не раздеваясь, Ардашев прилёг. Укрывшись крылаткой, он смотрел на колеблющееся газовое пламя, выбивавшееся из розетки, пытаясь сосредоточиться, и не заметил, как уснул. Пригрезился кошмар. Ему привиделось, что над ним склонился Александр Ульянов с петлёй на шее, вытаращенными глазами и высунутым языком. Труп хохотал, пытаясь дотянуться до горла острожника. Клим схватил нападавшего выше локтей, но они оторвались, точно бумажные, и остались у него в руках. Знакомое лицо казнённого студента разразилось гомерическим смехом, помахало обрубками и вдруг стало крысиным. Ардашев открыл глаза и сел. Сердце билось, точно пойманная птица угодила в силки. Тыльной стороной ладони он вытер со лба липкий пот и только потом вспомнил, что у него остался носовой платок. Он выпил воды и, смочив платок, вытер лицо. Стало легче. Пламя, выходившее из газовой горелки, весело колебалось за коридорным стеклом, бросая тени решёток на стены и пол. «Интересно, который час? – подумал студент. – Тут даже луну не видно. В российских тюрьмах, говорят, через окно проступает небо. А у них – стена. Удивительно, что британцы кормят заключённых белым хлебом, хотя, наверное, я ещё только подозреваемый. Помнится, в словаре английского жаргона читал, что словом “Вилль” называют показательную Пентонвильскую тюрьму Её Величества на севере Лондона. Там арестанты при выходе из камер обязаны надевать маски, чтобы они не могли узнать друг друга. Запрещены всякие разговоры. Здесь, слава богу, такого нет… Но кто знает, куда меня переведут завтра? И почему не появляется судебный следователь?..» Мысли становились неясными и размытыми. Постепенно они увели заключённого в мир снов.

Утро пришло с уже знакомым скрипом открывающейся двери. На пороге возник полицейский.

– Подъём! – приказал он, глядя на дохлую крысу.

Ардашев поднялся.

– На выход!

---

[25] 0,568 л.

[26] 141,75 г.

Обратная дорога была длинна и неприятна. Его завели в комнату через две двери от регистрационного отделения. За столом восседал человек с усами-саблями и острой бородкой. На вешалке висело пальто честерфилд с чёрным воротником. Тёмный сюртук отливал новизной, а головка серебряной булавки на атласном галстуке, украшенная агатом, выдавала в нём завзятого модника. На вид ему было лет сорок.

– Садитесь, – кивнул он на стул и, окинув арестанта ледяным взглядом, представился: – Я инспектор Чарльз Джебб, веду дело профессора Пирсона, вернее, расследую смертоубийство, совершённое вами.

– Сэр, я никого не убивал, – глядя в пол, уверенно заявил студент.

– А откуда у вас этот огромный нож? С собой привезли? С такими в России на медведя ходят?

– На бегемота, – огрызнулся Ардашев. – Нож я впервые увидел в тоннеле. И вам это прекрасно известно.

– Зря отпираетесь, – буркнул полицейский. – Ваша вина уже почти доказана. Вы ведь вместе с профессором плыли на пароходе из Санкт-Петербурга, так?

– И что? – Клим поднял глаза на инспектора. – С нами ещё несколько сотен пассажиров прибыли в Лондон.

– Вот и признайтесь чистосердечно. – Он поднялся и заходил по комнате, иногда останавливаясь и глядя в лицо подозреваемому. – Поверьте, молодой человек, ваша вина будет доказана. В этом нет никаких сомнений. Мне осталось лишь отыскать мотив убийства. И я его найду. Да, вероятно, будет много работы. Придётся опросить пассажиров и провести опознания с вашим участием. И поверьте: всё станет на своё место. Я никогда не ошибаюсь в своих предположениях и потому советую сократить время ваших страданий. К тому же у вас останется надежда на возможное снисхождение присяжных. В противном случае вы попадёте в тюрьму и, скорее всего, в Пентонвиль, в одиночную камеру. Через восемь месяцев ваше лицо приобретёт характерную бледность, выдающую любого камерника, а через двенадцать – вы заболеете чахоткой. Ещё через полгода у вас начнётся мерещенье, а за ним всегда наступает помешательство.

– Думаю, милостивый государь, вам не составило труда опросить свидетелей убийства. Я услышал крик о помощи и только после этого подбежал к профессору, который уже получил смертельное ранение. Это был женский голос. Стало быть, какая-то дама увидела сам момент убийства, но меня там ещё не было. Даже если вы не нашли именно эту леди, то вы не могли не допросить других свидетелей, слышавших её вопль. Соответственно, мои показания совпадают с их показаниями. А значит, я невиновен в убийстве профессора Пирсона. Не забудьте также полюбопытствовать у них насчёт ножа. Они не могли его не заметить. И поинтересуйтесь, было ли на полу орудие убийства перед моим появлением.

– А с чего вы взяли, что свидетели не разбежались?

– Сначала раздалась трель свистка городового, а уж потом появился он сам. Понятное дело, что, услышав звук тревоги, кассир закрыл выход на ту сторону Темзы, откуда шёл я, то есть от Тауэра. Я читал, что применяемый в лондонской полиции металлический свисток Джозефа Хадсона с горошиной внутри слышен на расстоянии мили. А когда меня выводили, то констебль велел своему коллеге остановить всех пешеходов, следовавших в моём направлении. Все, кто уже вошёл в тоннель, оказались запертыми в нём, точно мухи в бутылке. Преступник мог выбраться в противоположном от Тауэра направлении лишь в одном случае: если он успел проследовать мимо полисмена до того момента, как тот подал тревожный сигнал. Смею предположить, что вы не допрашивали меня вчера именно потому, что были заняты допросом свидетелей. – Клим посмотрел внимательно на полицейского и сказал: – Сэр, будучи абсолютно убеждённым в моей невиновности, вы решили на всякий случай проверить меня, обвинив в убийстве, которое я не совершал, не так ли?

– А не кажется ли вам, молодой человек, что вы слишком самоуверенны? – недовольно поморщившись, изрёк инспектор.

– Нет, сэр, не кажется. Во-первых, вы обязаны известить о моём задержании русского консула; во-вторых, при встрече с ним я изложу ему свои доводы, и в-третьих, адвокат, который мне полагается по закону, после беседы со мной легко разобьёт все ваши подозрения в суде. А в-четвёртых, через защитника и российского дипломата мне придётся обратиться за помощью к английской прессе. Ведь она – второй, после парламента, краеугольный камень в стене свободного гражданского общества Англии, которым гордится каждый британец. Не так ли?

Инспектор плюхнулся на место. Он вздохнул и, покачав головой, сказал:

– А вы, я вижу, парень не промах. Далеко пойдёте. Не буду скрывать, я наблюдал за вами через глазок двери вашей камеры. Мне показалось, что вы настолько расстроены случившимся, что потеряли всякую способность рассуждать здраво. Я приятно удивлён. Думаю, вы будете освобождены, если коронер, а потом и присяжные согласятся с моими доводами о вашей невиновности. Но, чтобы устранить последние сомнения, мне придётся допросить вас. – Он щёлкнул крышкой часов фирмы Camerer Kuss & Co и добавил: – Если хотите, я прикажу принести тюремный завтрак прямо сюда. Вас ждёт десять унций[27] хлеба и три четверти пинты[28] какао. Всё за счёт Её Величества.

– Нет уж, – усмехнулся Ардашев. – Я пожертвую гостеприимностью королевы Виктории ради скорейшего выхода из её крепких тюремных объятий.

– Я вас понимаю. – Инспектор обмакнул перо в чернильницу и спросил: – Итак, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с профессором Пирсоном?

Клим подробно изложил всю историю взаимоотношений с потерпевшим, но полицейский не унимался.

– А как вы объясните матерчатую розу рядом с убитым?

– Понятия не имею.

– Она могла предназначаться вам?

– Мне? С какой стати? Он обещал подарить мне англо-арабский разговорник Спиерса, но не розу.

– Да, мы нашли его во внутреннем кармане пальто убитого, – кивком подтвердил Джебб. – Там есть дарственная надпись вам. А вы знаете арабский?

– Немного. Мистер Пирсон говорил, что он брал разговорник с собой, когда ездил в Бодмин. Правда, я не знаю, что это за город. Помню лишь название.

– Это административная столица графства Корнуолл. А он не обмолвился, когда там был?

– Нет, но, естественно, ещё до посещения России.

– Интересно, – задумчиво вымолвил полицейский. – А перед смертью профессор вам ничего не сказал?

– Он произнёс всего одну фразу.

– Какую?

– Найдите его.

– А кого именно, он не уточнил?

– Нет.

– Жаль.

– А могу ли я получить этот разговорник?

– Мы вернём его жене покойного. Вы можете обратиться к ней.

– Так и сделаю.

– Вы придёте на похороны?

---

[27] 283 г.

[28] 420 г.

– Хотел бы, но я не знаю ни адреса покойного, ни даты похорон.

– Он жил в доме номер семь по Кенсингтон Парк Гаденс (Kensington Park Gardens). Улица находится в районе Ноттинг-Хилл (Notting Hill). Тихое местечко, облюбованное писателями и учёными. Раньше там была деревушка, относящаяся к графству Мидлсекс (Middlesex), но потом её присоединили к Лондону, и этот район преобразился. Его застроили новыми домами. Хоронить его будут во вторник на местном кладбище.

– Спасибо.

Инспектор Джебб кивнул в ответ, поставил точку в конце предложения и, придвинув Климу протокол, сказал:

– Извольте поставить подпись в двух местах. Здесь и здесь.

Перо заскрипело от размашистых, точно рисованная пружина, линий. Глядя на замысловатые завитушки, полицейский хитро улыбнулся и вымолвил:

– Судя по подписи, мистер Ардашев, у вас серьёзные карьерные планы.

– Пока у меня лишь один план – поскорее выбраться отсюда.

– Как я уже сказал, вашу судьбу решит суд. Вас доставят туда не на «чёрной Марии» (тюремном фургоне), а в полицейской карете в сопровождении констебля как важного свидетеля.

– Благодарю вас, сэр.

Через пятнадцать минут Клим Ардашев, морщась от июньского солнца, вышел из ворот тюрьмы на Кингс-Кросс-Роуд в сопровождении констебля. Полицейский благосклонно разрешил задержанному покурить. Дорога в здание суда заняла две четверти часа.

IV

Коронерское дознание во многом походило на судебное заседание, не раз посещаемое студентом Ардашевым в России. Правда, тут были свои особенности.

Коронер – сухопарый, напоминающий профилем ворона человек лет сорока пяти, облачённый в строгий костюм, белоснежную сорочку и чёрный галстук, – пригласил судебного медика.

В залу вошёл невысокий, толстый и круглый, как бильярдный шар, человек. Промокнув платком потную лысину, он зачитал выводы медицинского исследования трупа профессора Генри Пирсона. Из него следовало, что смерть означенного лица наступила в результате колото-резаного проникающего ранения гортани и повреждения сонной артерии. Закончив чтение, он положил на стол коронера заключение и удалился.

Дознание перешло к допросу свидетелей. Первым была приглашена тридцативосьмилетняя леди, обнаружившая ещё живого, но уже получившего ранение потерпевшего. Назвав свои данные, адрес проживания и род занятий, свидетельница показала, что присутствующий в судебном заседании молодой человек подбежал к лежавшему профессору с противоположной стороны уже после того, как она к нему приблизилась и позвала на помощь. Дама также сообщила, что видела незнакомца, который шёл ей навстречу. Он был среднего роста и, скорее всего, в котелке. Лица его она не запомнила и каких-либо других особых примет назвать не смогла, поскольку лампы в тоннеле светили тускло. Второй свидетель – констебль, поспешивший на место происшествия, также ничего толкового сообщить не смог, кроме того, что увидел склонившегося над телом свидетеля, находящегося в зале. Полицейский арестовал его, потому что на его одежде и руках были следы крови. Это и послужило основанием для задержания. Третьим свидетелем оказался клерк из банка. Ничего дельного он сообщить не смог, кроме того, что видел окровавленное тело, окружённое любопытными прохожими. Четвёртым очевидцем, представшим перед судом, был старик лет шестидесяти пяти. Он также заявил, что задержанный на его глазах молодой человек подбежал уже к лежавшему на спине потер-

певшему. Наконец, пришёл черёд Ардашева. Он в точности повторил всё, что двумя часами ранее показал под протокол инспектору Джеббу. Коронер задал студенту несколько малозначимых вопросов, кивнул и пригласил детектива. Полицейский поведал о найденных рядом с профессором ноже и розе из красной материи, а также о золотом брегете и англо-арабском разговорнике Спиерса. В него был вложен билет на поезд до Ливерпуля, а в боковых карманах пальто – пенковая трубка и кожаный кисет с табаком.

– Билет? – глядя в блокнот, осведомился коронер.

– Да, в Ливерпуль, на боут-трейн[29], – ответил инспектор.

– Больше ничего не нашли?

– Нет.

– А трость? – воскликнула с места симпатичная блондинка лет двадцати пяти в траурном одеянии. – У мужа была трость с ручкой из рога носорога в виде креста и змеи, обвивающей верхнюю часть ствола. Он вышел с ней из дома.

– Миссис Пирсон, я понимаю ваше горе, но порядок есть порядок. Вы можете задавать вопросы только с моего разрешения, – уточнил коронер.

– Простите, – вытирая слёзы платочком, ответила дама.

– Так что насчёт трости? – глядя на детектива, проронил коронер.

Джебб растерянно пожал плечами.

– На месте преступления её не оказалось.

– А вы? – обращаясь к констеблю, выговорил коронер. – Трость видели?

– Никак нет.

– А вы, мадам? – глядя на первую свидетельницу, осведомился коронер.

– Не помню, – поднявшись с места, заметила леди. – Кажется, нет.

– Кто-нибудь из свидетелей видел трость?

Ответа не последовало. В зале стояла тишина.

– Сэр, позволите вопрос? – вновь воскликнула миссис Пирсон.

– Да, пожалуйста.

– А куда делось портмоне мужа? Дорогое, из крокодильей кожи, – всхлипывая, осведомилась вдова.

– Что скажете? – вновь обратился к инспектору коронер.

– Мы его не обнаружили.

– Что ж, – вздохнул судебный чиновник, – очень похоже на убийство с целью ограбления. И в связи с этим у меня вопрос: не было ли подобного портмоне у мистера Ардашева?

– Подобного у него не было, – ответил мистер Джебб. – При обыске мы нашли коричневый изрядно потрёпанный бумажник с монетницей и кожаный портсигар с папиросами, спички и носовой платок.

На этом допрос свидетелей был закончен.

Присяжным теперь предстояло ответить на два вопроса. Первый был сформулирован следующим образом: было ли совершено насильственное смертоубийство профессора Генри Пирсона? И второй: имеются ли основания для возбуждения уголовного преследования в отношении подданного Российской империи Клима Ардашева?

В совещательной комнате присяжные заседатели долго не задержались. Получив от старшины свёрнутый лист бумаги, коронер объявил:

– Итак, на первый вопрос (было ли совершено насильственное смертоубийство профессора Генри Пирсона?) ответ – да. На второй (имеются ли основания для возбуждения уголовного преследования в отношении подданного Российской империи Клима Ардашева?) ответ –

[29] Боут-трейн – поезд, чьё прибытие в портовый город согласовано с пароходным расписанием. Такие составы ходили из Лондона в Ливерпуль и Саутгемптон.

нет. Таким образом, российский подданный с этой минуты свободен, а дело по убийству профессора Генри Пирсона передаётся на рассмотрение Высокого суда, поскольку преступление совершено в районе Большого Лондона. На этом заседание закрыто.

Выйдя на улицу, инспектор сказал Ардашеву с иронией:

– Как вы указали в допросе, главная цель вашего визита – познакомиться с британской системой уголовного расследования. С наручниками, констеблями и камерой предварительного заключения вы уже подружились. А теперь и побывали на заседании коронерского суда. По-моему, всё складывается как нельзя лучше, не находите?

– Ага, как говорится, хлебнул дёгтя полной ложкой, – горько заметил студент и закурил папиросу.

– Ничего не поделаешь, – пожал плечами инспектор, – с кем не бывает… Но у меня к вам одна пустяковая просьбица: не стоит доводить до сведения русского консула о том, что вы здесь находились. Если вы уведомите дипломатов, то они пошлют запрос комиссару, и мне придётся писать кипу объяснительных рапортов. А у меня и без этого дел невпроворот.

– Не волнуйтесь, сэр, это останется между нами, – выпустив дым, кивнул Клим.

– О! Это по-джентльменски! Благодарю вас, мистер Ардашев. Как долго вы собираетесь пробыть в Лондоне?

– У меня двухнедельная виза.

– Прекрасно. Я помогу вам посетить Скотленд-Ярд.

– Буду вам очень признателен, сэр.

– Обращайтесь ко мне просто – мистер Джебб. Договорились?

– Как скажете, мистер Джебб, – улыбнувшись, выговорил Клим.

– Вот и хорошо! – Инспектор протянул визитную карточку. – Возьмите. Если предъявите её на входе в Скотленд-Ярд, меня обязательно вызовут или вас проведут ко мне. Я не раздаю визитные карточки кому попало. На ней указан телефонный номер комиссара. Аппарат лишь у него. В случае крайней необходимости можно протелефонировать и туда. На звонки отвечает помощник. Только назовите мою фамилию, чтобы было понятно, кто ведёт расследование. И мне всё передадут.

– Спасибо, мистер Джебб. Но у меня тоже есть к вам одна небольшая просьба. Нельзя ли мне ещё раз взглянуть на розу, оказавшуюся рядом с профессором, и на нож? И ещё я хотел бы полистать англо-арабский разговорник.

– Уж не собираетесь ли вы самостоятельно отыскать убийцу, молодой человек?

– А почему бы не попробовать?

– Только зря потеряете время. Вы же видите, что произошло банальное ограбление. На месте потерпевшего мог оказаться кто угодно. В Лондоне хватает отребья.

– Меня смущает роза.

Полицейский махнул рукой.

– Не забивайте себе этим голову.

– А трость? Куда она делась?

– Хорошая трость стоит немалых денег, а уж из рога носорога и подавно. Цена может доходить до ста фунтов. Это роскошь, доступная немногим. Неудивительно, что грабитель её прихватил.

– Возможно.

– Так что не ввязывайтесь вы в это дело. И не стоит ошиваться по лондонским трущобам. А то, не ровён час, отправитесь вслед за профессором.

– И всё-таки могу я завтра к вам наведаться?

Полицейский вздохнул, погладил усы и сказал:

– Я вижу, вы настырный малый. Что ж, поскольку вы мне оказали услугу, то я не могу вам отказать. Приходите завтра к десяти.

– Исключительно вам благодарен.

Детектив улыбнулся и спросил:

– Вы говорите по-английски почти без акцента. И словарный запас у вас как у образованного британца. Откуда такие знания?

– У нас в доме жила миссис Томсон. Она учила меня с семи лет.

– Ах да, я слыхал, что у русских была мода выписывать из Британии гувернанток.

Ардашев кивнул.

– И из Франции тоже. Мадмуазель Кюри учила французскому.

– Жили не бедно?

– Грех жаловаться.

– Из дворян?

– Да.

– А вы куда сейчас? На баржу?

– Признаться, я голоден. Мечтаю о скромном завтраке, – докурив папиросу, выговорил студент.

– Верное решение, – кивнул сыщик. – Не грех будет пропустить и кружечку портера. Ведь сегодня ваша жизнь могла бы пойти совсем другим курсом. И кто знает, что бы с вами случилось, окажись вы среди каторжан.

Полицейский протянул руку. Клим, ответив на рукопожатие, вымолвил:

– Премного благодарен.

– Могу довезти вас до станции подземки или остановки омнибуса. Надеюсь, полицейская карета вас не смущает?

– Спасибо за предложение, мистер Джебб, но у меня с ней связаны не особенно приятные переживания. Лучше я прогуляюсь. Всего доброго!

– До свидания, мистер Ардашев.

Клим понял, что оказался в Сити. Эта часть города была менее заселена, чем остальной Лондон. В ней располагались правительственные учреждения, банки и конторы. Улицы напоминали широкую реку во время ледохода, покрытую сплошною массой плывущих по течению льдин: снующих прохожих, быстрых кебов и флегматичных омнибусов, уносимых непрерывным потоком в бескрайнее жизненное море. Пабы, встречающиеся на пути, имели роскошные вывески и резные дубовые двери. Глядя на них, становилось понятно, что цены в этих английских трактирах были отнюдь не студенческие. Ардашев пересёк одну площадь и две улицы. Он свернул наугад в небольшой переулок, прошёл через арку и вдруг увидел драку. Вернее, это было избиение. Трое молодых людей в кепках и простой одежде мутузили одного бедолагу со съехавшим набекрень котелком. Они зажали его у самой стены. Парень едва отбивался и всё чаще пропускал удары. Клим аккуратно снял крылатку и котелок. Положив одежду на каменный парапет, он кинулся на нападавших, один из которых – широкоплечий верзила – был обращён к нему спиной. Получив по затылку, тот осел на землю. Двум другим хватило трёх точных ударов. Хрустнула чья-то челюсть, и раздался дикий вопль. Нападавшие бросились прочь, исчезнув в подворотне.

Осмотрев сбитую на кулаках кожу, Ардашев вздохнул и принялся искать золотую манжетную запонку, выпавшую во время драки.

– Спасибо, сэр, – окровавленными губами пролепетал молодой человек со слегка оторванным стоячим воротником а-ля Гладстон.

– Не стоит благодарностей.

– Вы что-то потеряли?

– Запонку.

Англичанин поднял с земли небольшой предмет и протянул спасителю.

– Вот она.

– Благодарю. Их мне подарил отец в честь окончания гимназии.

– Вы иностранец?

– Да, из России.

– Не думал, что в вашей стране так распространён английский бокс.

– Простите?

– Вы мастерски нанесли сначала хук справа, потом слева, а затем последовал разящий апперкот…

– Разве? А я и не знал. Это мой обычный стиль в драке.

– И часто вам приходится махать кулаками?

– Нет, ну что вы! Пару раз в год, не больше. В России нельзя быть слабым. А что им от вас было нужно?

– Деньги и часы. Это уличные грабители.

– Ясно.

Подав незнакомцу открытый кожаный портсигар, Клим предложил папиросу.

– О! Russian cigarettes?[30] У нас их не найти.

Молодые люди с удовольствием задымили.

– Меня зовут Роберт Аткинсон. Студент. Учусь на хирургическом отделении Лондонского университета.

– Клим Ардашев. Окончил два курса факультета правоведения Императорского университета в Санкт-Петербурге, – отрекомендовался русский студент и пожал руку британцу.

– О! Будущий адвокат? Судья?

– Не знаю, – пожал плечами Клим. – Возможно, переведусь на факультет восточных языков. Последнее время я увлёкся арабским и турецким. Хочется поездить по миру, а не протирать штаны в судебных заседаниях.

– Тогда вас надо познакомить с моим отцом. Он бывший дипломат. Служил консулом в Константинополе. За заслуги перед Британией королева Виктория поощрила его высшей наградой – орденом Подвязки. Он введён в палату лордов. Сейчас занимается политикой.

– Надо же, – усмехнулся Ардашев. – Я только что спас сына члена палаты лордов.

Россиянин окинул взглядом нового знакомого. Он был немного ниже ростом, имел рыжие волосы. Его оттопыренные уши смешно светились на солнце. Большой открытый лоб и пытливые глаза свидетельствовали если не о недюжинном уме, то, по крайней мере, о любознательности.

– И за это, сэр, я очень вам благодарен. Я был бы польщён возможностью пригласить вас на кружечку эля, – выговорил молодой человек.

– С радостью! Я мечтал об этом больше суток.

– Тогда идёмте. Тут совсем рядом, на Флит-стрит, есть отличное местечко.

…Остальную часть дня Ардашев помнил хорошо, но лишь до определённого момента.

Открыв под утро глаза, он обнаружил на своём плече мирно спящую миссис Тейлор. «Господи, – пронеслись едкие, точно щёлочь, мысли, – как хозяйка баржи оказалась в моей постели? Но раз уж она меня обнимает, значит, не всё так плохо».

От тепла нежного женского тела и аромата духов стало немного легче, но адски раскалывалась голова, и чертовски хотелось курить. Во рту пересохло. Он попытался высвободить плечо из-под женской головки и встать, но Агнесса проснулась. На её лице появилась похотливая улыбка.

– Дорогой, – прошептала она, касаясь уха губами. – Прошу тебя ещё раз сделать со мной всё то, что ты вытворял вчера. Я была на седьмом небе… Ну пожалуйста… – простонала она и добавила: – Мой мальчик, будь послушным, взрослым леди нельзя отказывать…

---

[30] В Англии папиросы называют русскими сигаретами.

V

Первый луч солнца проник в комнату Клима как раз тогда, когда миссис Тейлор поднялась с постели и стала одеваться. Клим стоял у открытого окна, курил и любовался её фигурой. Хозяйка баржи вышла, но скоро вернулась, держа стакан с мутной жидкостью.

– Выпей до дна, – сказала она, – и тебе станет легче.

– Надеюсь, это не яд? – осведомился Ардашев. – Ты ведь не отравишь меня, как Лукреция Борджиа?

– Зачем же убивать такого красавчика? – вымолвила миссис Тейлор, глядя на Клима влюблёнными глазами. – Я приготовила эгг-ног. Тут два яйца, немного молока и совсем чуть-чуть бренди. Не пройдёт и получаса – тебе станет легче.

– Римляне лечились от похмелья совиными яйцами. Я читал об этом у Плиния Старшего. Подозреваю, что он украл эту идею у египтян, – Ардашев усмехнулся и проронил: – А не разворошить ли нам несколько совиных гнёзд в Гайд-парке?

– В любом случае свежий воздух тебе не помешает. Хочешь, я накрою завтрак на палубе?

– Было бы неплохо, дорогая.

– Не кажется ли тебе, что мы называем друг друга так, будто мы муж и жена?

– А ты против?

– Наоборот. Но даже если бы я была свободна, нам всё равно нельзя было бы венчаться.

– Это почему? – недоуменно вымолвил Клим.

– Я старше тебя лет на десять. Пройдёт ещё десять, моя кожа огрубеет, морщины станут заметнее, и ты меня бросишь, потому что тебе захочется юного и нежного женского тела. К тому же такие умелые любовники, как ты, никогда не живут с одной женщиной. Ты не создан для брака.

– Позволю с тобой не согласиться. Когда-нибудь я создам крепкую и большую семью. Я буду любить жену, невзирая на её морщины и возраст, ведь её кровь будет течь в жилах наших детей. А что касается измен – ничего сказать не могу. Один Господь знает, что будет с нами в будущем.

– Все вы так говорите, пока молоды, – вздохнула миссис Тейлор.

– Послушай, Агнесса, я мало что помню о вчерашнем вечере. Как случилось, что мы оказались в одной постели?

Леди улыбнулась и сказала:

– На дороге остановился кеб. Ты едва выбрался из него и долго обнимался с каким-то ушастым парнем. Вы пили шампанское прямо из горлышка. А потом, как говорит мой муж, меняя галс и лавируя, корабль с трудом выдерживал курс… к сходням. Слава богу, на палубе никого из постояльцев не было. Я решила помочь тебе и довела до комнаты. Но когда мы вошли, ты принялся осыпать меня поцелуями, и я не смогла устоять…

– Стало быть, я не сделал ничего дурного и мне нечего стыдиться?

– Но я не знаю, что ты вытворял до возвращения на баржу.

– Спасибо, мэм, утешили, – вздохнул Клим, погладив тонкую нитку усов.

– Через четверть часа завтрак будет готов. Постояльцы ещё спят, и тебе никто не будет мешать.

– Великолепно.

Миссис Тейлор удалилась. Ардашев вышел на воздух и закурил новую папиросу. По зеркальной глади Темзы, уже окрашенной розовым солнечным светом, скользили пароходы и парусники. Туман, прозрачный как кисея, клубился над водой, точно опасаясь замочить в реке свою нежную материю.

Будто фокусница, хозяйка речной гостиницы лёгким мановением руки накинула на стол белоснежную скатерть. И на ней, как по волшебству, появились: тарелка с поджаренной ветчиной, пустивший скупую слезу голландский сыр и яйцо пашот с тостами и зеленью. Не обошлось и без стакана свежевыжатого апельсинового сока.

– Прошу, – просияв, выговорила она и, усевшись напротив, сказала: – А хочешь, вечером я покажу тебе Лондон? Погуляем вместе, ты не против?

– Хорошая идея, – приступив к завтраку, кивнул Клим. – Знаешь, у меня за два дня случилось столько событий, сколько у других не происходит за всю жизнь. Ты только представь: я приезжаю в самый большой город мира, на следующий день становлюсь свидетелем убийства в тоннеле под Темзой, попадаю в английскую тюрьму, затем меня везут в суд, отпускают, я ввязываюсь в драку и спасаю сына члена палаты лордов, пускаюсь с ним во все тяжкие и оказываюсь в постели с самой очаровательной женщиной на свете. А утром едва живого, но счастливого русского студента английская красотка возвращает к жизни удивительным нектаром, а потом и завтраком. Разве такое бывает?

На лице миссис Тейлор заиграл счастливый румянец.

– Так-так, – с хитрым прищуром проговорила она. – Ты из России, значит? Там, я слыхала, медведи по улицам ходят. Они такие же хитрые, как ты?

– И не только ходят, но и ездят, – отрезая кусок ветчины, кивнул Ардашев. – И даже управляют экипажами. А самые образованные служат коридорными в гостиницах. Те же, у кого музыкальный слух, ревут вместо труб в оркестрах.

– Не может быть! Ты меня разыгрываешь?

– Конечно.

– Какой же ты бесстыжий!

Клим с невозмутимым видом доел яйцо пашот.

– Послушай, – встрепенулась дама, – так, значит, это тебя подозревали в убийстве профессора Лондонского института?

Ардашев удивлённо уставился в собеседницу и спросил:

– Откуда, милая Агнесса, тебе известно об убийстве сего учёного мужа?

– Вчера за ужином об этом болтали мои постояльцы. Я поняла, что об этом трезвонили все газеты. – Она помолчала и спросила: – Так, значит, твой собутыльник – сын настоящего лорда?

– А что в этом удивительного?

– Да так… Я не знаю, сколько он заплатил кучеру, чтобы тот разрешил ему забраться на его место и управлять кебом, сидя наверху. Если бы вы попались вчера на глаза полиции, то извозчика бы точно лишили лицензии. К тому же твой пьяный дружок чуть не вывалился оттуда. И даже лошадь била копытом и ржала от смеха, глядя на творимое вами безобразие.

– В Петербурге на Татьянин день – в русский студенческий праздник – и не такое увидишь. Но тебе лучше этого не знать. А то будешь плохо думать о России и русских.

– Нашёл чем удивить! Я слыхала, что ваш Пётр I, когда приехал в Лондон и поселился на Сейес-Корт, устраивал здесь такие кутежи и дебоши, что у лондонцев лопнуло терпение, и английский король Вильгельм III намекнул ему, что пора и честь знать.

Клим промокнул губы салфеткой и провещал:

– Государь наш Пётр Алексеевич Романов, последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский, прозванный позже Великим, в 1698 году был ненамного старше меня. А людям в этом возрасте, как ты успела заметить, свойственны некоторые шалости и легкомысленные поступки. Однако замечу, что, кроме сих проказ, он целых три с половиной месяца плотничал на Дептфордских королевских доках, постигая искусство кораблестроения, изучал устройство обсерватории, интересовался чеканкой монет, учился литью пушек. Словом, царь, несмотря на молодость, старался перенять всё лучшее, чего достигла Британия.

– Я не спорю, но русский король не должен был вести себя как заурядный портовый пропойца. Это же грешно. Разве нет?

– У нас в народе говорят: кто не грешил, тот Богу не маливался… Скажу тебе откровенно: я знаю всего одного безгрешного человека – это Иисус Христос. Все остальные – грешники. Он единственный, кто отдал себя в жертву ради всего человечества. Ради богатых и бедных, добрых и злых, ради праведников и грешников. А ведь что такое человечество? Это аморфное понятие. Оно как бы есть, но никто его целиком никогда не видел. Это как Млечный Путь. Мы вроде бы и наблюдаем некую звёздную дорожку, но на самом деле не представляем, каков он… Знаешь, если народ какой-нибудь страны вдруг разуверится в заповедях Сына Божьего и начнёт их осмеивать, эти люди будут обречены на муки, нищету и голод, потому что отречение от добра всегда приводит к вселенскому злу. В таком государстве будет править дьявол в человеческом обличье. На смену одному злодею придёт другой. Ведь князь тьмы не имеет материального облика. Это злой дух, вселяющийся в людей.

– А ты не думал стать священником? – заворожённым голосом вымолвила миссис Тейлор. – Я бы тебя слушала и слушала… Ты такой умный!

– Нет, всю жизнь вещать проповеди, крестить младенцев и читать заупокойные молитвы – скука монастырская. Мне бы мир посмотреть. Вот моряком я бы мог стать. Если бы мой город был на берегу моря…

Ардашев не успел договорить. За спиной раздался знакомый голос:

– Доброе утро, капитан!

Повернувшись, Клим увидел вчерашнего знакомца. Солнце, словно издеваясь, раскрасило его уши в красный цвет, но мистер Аткинсон сей природной шалости светила не замечал.

– Прибыл, как и договаривались, – отрапортовал англичанин.

– Доброе утро! – протянул руку Ардашев и произнёс неуверенно: – А напомните-ка, друг мой, о чём это мы договаривались?

– Как? – удивился тот, отвечая на рукопожатие. – Вы разве не помните? Мы же решили вместе расследовать убийство профессора Пирсона.

– Простите, сударь. Мой фрегат вчера попал в шторм, и меня укачало.

– А мой налетел на рифы, – махнул рукой Роберт.

– Но по вам не скажешь. Вы свежи, как гвардеец у Букингемского дворца.

– Рецепт прост: в кружку эля вливается три столовых ложки спиртовой настойки полыньи, столько же джина и немного специй. Et voilà![31]

Агнесса, едва сдерживаясь от смеха, спешно удалилась.

– Что за красотка? – шёпотом поинтересовался Аткинсон.

– Хозяйка баржи.

– Замужем?

– Да.

– Эх, и везёт же кому-то! – с огорчением проронил Роберт. Он щёлкнул крышкой золотых часов и заметил: – До нашей встречи в Скотленд-Ярде ещё есть время. Предлагаю прогуляться.

– Неплохая идея. Только общаться с инспектором мне придётся tête-à-tête. Иначе он не согласится. Но потом обещаю всё вам рассказать.

– Не возражаю, капитан.

– А почему, Роберт, вы зовёте меня капитаном?

– Как? Мы же вчера условились, что вы главный в расследовании. Стало быть, капитан. Или забыли?

– Что-то припоминаю, – нетвёрдо согласился Клим. – Но я не против. Было бы неплохо, если бы нашли свободный кеб.

---

[31] И готово! (франц.)

– Не переживайте. За углом стоянка извозчиков.
– Тогда вперёд!..

Глава 2
Скотленд-Ярд

Кеб, стуча железными колёсами, доставил Ардашева и Аткинсона прямо к департаменту уголовного расследования, расположенному в двух домах – номер восемь и девять по улице Большой Скотленд-Ярд. Аткинсон расплатился с кучером и остался ждать Клима на улице.

Визитная карточка инспектора Джебба и правда обладала волшебными свойствами. Дежурный констебль Скотленд-Ярда тут же вызвал сыщика. Полицейский появился почти сразу.

– Доброе утро, мистер Ардашев! Что ж, для начала я покажу вам, как работает лучшая в мире английская машина уголовного сыска. Как видите, прямо перед вами находится комната регистрации арестованных. Они отгорожены от стражей порядка стальными перилами. Рядом – стол дежурного инспектора. Его задача – заносить в журнал данные арестованных, а также кратко описывать выдвинутые против них обвинения. Тут же, на стене, помещена футовая линейка с отметками. Благодаря ей дежурный может определить рост задержанного. Здесь же он проводит и первый личный обыск подозреваемых.

– Теперь я понимаю, почему меня не обыскивали в тоннеле, – проронил Клим.

– Совершенно верно. Обыск на месте предполагаемого преступления категорически запрещён. Обращаю внимание на то, что сначала дежурный опрашивает свидетелей и лишь затем переходит к допросу арестованного. Согласитесь, это вполне логично.

– Безусловно.

– Как вы можете заметить, перед вами висит доска с объявленными в розыск преступниками. Это очень удобно. Можно сразу сопоставить данные задержанного и разыскиваемого лица. У нас бывали случаи, когда скучающие свидетели случайно опознавали на фотографиях своих знакомых. Точно так же оборудованы и все полицейские участки Лондона. В них, как и здесь, имеются альбомы разыскиваемых преступников, а также данные тех, кто недавно освободился из мест заключения. Но у нас создана специальная картотека подобных личностей. Очевидно, наш опыт будет внедрён и в полицейских участках, так как альбомы занимают слишком много места. Но самая живая информация содержится в «Иллюстрированных полицейских новостях» (The Illustrated Police News) и «Полицейской газете» (The Police Gazette). Она выходит еженедельно и предназначена исключительно для внутреннего пользования. В ней имеются сведения и о международных преступниках. Современная связь позволяет полицейским всего мира обмениваться данными о злоумышленниках в течение минуты. За работу телеграфного аппарата Уитстона отвечает специально обученный полицейский. В эту комнату вас я провести не могу, поскольку посторонним туда вход запрещён. Замечу, что директор нашего департамента – человек прогрессивных взглядов. Он стремится внедрить самые последние технические новшества в работу полиции. По его инициативе телеграфная сеть Скотленд-Ярда была подключена к почтовому телеграфу Великобритании. По сути, это единое целое, и любой полицейский Соединённого Королевства может связаться по телеграфу со Скотленд-Ярдом. А теперь прошу проследовать в мой кабинет. Он в конце коридора.

– Благодарю за экскурсию. Теперь мне будет о чём рассказать студентам факультета правоведения.

– Насколько я знаю, русские полицейские в большей степени перенимают опыт французов, а не наш. Видимо, в России ещё остался горький осадок поражения в Восточной войне.

– У нас её называют Крымской. Но я думаю, дело в другом. Наше законодательство во многом копирует французскую систему права, а не английскую.

– Возможно. Но полиции Парижа ещё очень далеко до показателей Скотленд-Ярда по раскрываемости преступлений. Французы ленивы, впрочем, как и ваши соотечественники.

Клим счёл невежливым вступать в спор с инспектором, хотя чувство негодования и обиды за свою страну его переполняло.

Кабинет инспектора имел всего одно окно и большими размерами не отличался. На стене висели часы. Мебель была скромной: два шкафа, вешалка, три стула и стол. Полицейский предложил Ардашеву сесть. Он вынул из укупорочного ящика красную матерчатую розу с бурыми следами крови и положил перед Ардашевым. Вторым последовал нож.

– Вы это хотели увидеть?

– Да, благодарю вас. Именно этот цветок лежал подле профессора и нож, – сказал студент. Достав блокнот, он осведомился: – У вас не найдётся линейки?

– Пожалуйста, – проронил полицейский и, вынув её из ящика стола, протянул Ардашеву. Инспектор сдвинул вверх оконную фрамугу и закурил.

Студент тщательно вымерил искусственный цветок, а потом принялся за нож. Записав размеры предметов, Клим принялся делать карандашные наброски. Полицейский с любопытством наблюдал за художеством недавнего подозреваемого. Наконец, визитёр закрыл блокнот и выговорил задумчиво:

– С ножом всё понятно, а вот для чего убийца оставил розу – понять не могу.

– Некоторые головорезы любят щегольнуть, показать свой неповторимый почерк. Этот душегуб выбрал розу. Не стоит обращать внимания на такие мелочи. Факт один: в результате нападения, повлёкшего смерть, пропал бумажник и трость. Стало быть, совершено убийство с целью ограбления. Если хотите знать, мои люди уже начали наведываться в злачные места Лондона. Рано или поздно мы отыщем преступника и вздёрнем на виселице.

– На лицевой стороне розы крови нет, есть только на обратной, – продолжал рассуждать Клим. – Значит, она была рядом с профессором ещё до того, как убийца нанёс удар… Стоп! Я всё понял. Преступник догнал мистера Пирсона и окликнул. Тот повернулся. Он протянул ему розу. Профессор машинально взял её правой рукой. И в этот момент злоумышленник нанёс удар ножом в горло жертве. Кровь попала на заднюю часть цветка. Мистер Пирсон упал и выронил цветок.

– Фантазируете, молодой человек, – покачал головой инспектор. – Роза ведь могла случайно оказаться в этом месте. Мусорщик просто не успел её подобрать. Кстати, искусственные букеты продают по всему Лондону. Это могильные цветы. Кто-то шёл и выронил её, либо она выпала из букета. Если следовать вашей гипотезе, то, будь я на месте преступника, я бы протянул профессору, допустим, свёрнутую газету, а потом бы ударил его ножом. Правда, я бы метил в сердце. Так надёжнее. И смерть мгновенная.

– Но тогда бы, как вы изволили заметить, потерпевший умер бы сразу. А при ударе в горло даже в случае повреждения сонной артерии жертва ещё живёт несколько секунд. А что, если злодей хотел, чтобы профессор понял перед смертью, кто его убил и за что?

– Рискованно, – затушив сигарку, выговорил полицейский. – Ведь в таком случае мистер Пирсон мог назвать имя убийцы любому свидетелю, хоть вам например. Да и рассчитать удар так, чтобы повредить сонную артерию, не каждый сможет. Я ещё раз вам повторю: совершено убийство с целью ограбления.

– Всё может быть. Разрешите взглянуть на разговорник?

Инспектор развёл руками.

– После того как мы с вами расстались у здания суда, я вернулся в Скотленд-Ярд. Не прошло и получаса, как дежурный констебль вызвал меня на проходную. Меня ожидала миссис Пирсон. Она попросила разрешения забрать вещи покойного до похорон. Они состоятся сегодня. Я вернул ей брегет, пенковую трубку, кисет с табаком и разговорник Спиерса вместе с билетом. Ведь его ещё можно было сдать и вернуть деньги.

– А вы не помните, в котором часу завтра отходит поезд в Ливерпуль?

– В девять утра, с Юстонского вокзала.

– Получается, билет был куплен профессором либо семнадцатого июня вечером, в день нашего с ним прибытия в Лондон, либо восемнадцатого утром, то есть в день убийства.

– А что вас смущает?

– Получается, что он собрался в Ливерпуль по какому-то важному делу, раз уж купил билет практически сразу после возвращения из России. Хотел бы я знать, что это за дело, – задумчиво проронил Ардашев, поглаживая усы. Его взгляд упал на циферблат настенных часов, и он вдруг спросил: – А похороны мистера Пирсона в котором часу?

– Мне это неизвестно, но если поедете сейчас, то наверняка успеете. Утром ведь не хоронят. Чаще всего в два пополудни. Честно говоря, не пойму, почему вдова так торопится закопать почти не остывший труп мужа.

– Благодарю вас, мистер Джебб, – поднимаясь, проговорил Клим.

– Не стоит, – хитро сощурился полицейский. – Будут новости – заходите. Чем смогу – помогу. Мне чертовски интересно наблюдать, как вы пытаетесь найти в заурядном ограблении некий смысл. Напрасно тратите время. Лучше бы посетили достопримечательности Лондона, раз уж приехали за казённый счёт.

– Обязательно. Честь имею кланяться.

– Всего доброго, молодой человек!

Не успел Ардашев выйти из Скотленд-Ярда, как ему навстречу бросился Аткинсон.

– Что узнали нового? – спросил он.

– Практически ничего. Зато нож и розу срисовал. Нож, судя по размерам, огромен. От такого не спастись. Хотите взглянуть?

– Непременно.

– Извольте.

Клим открыл блокнот и передал Роберту.

– Нож – да. У отца такой есть. Это американский тесак. Называется нож Боуи. У него узнаваемая форма клинка со скосом, напоминающим щучий нос, и обязательно гарда. Их делают и у нас в Шеффилде, но у английских ножей обух не затачивается, как у американских. А тут – всё правильно, как у отца. Он специально заказывал, чтобы привезли из Нью-Йорка полтора десятка таких на подарки друзьям.

– А кто этот Боуи?

– Какой-то герой времён войны за отделение Техаса от Мексики. Янки чтят его. Говорят, в одной схватке этот головорез прикончил подобным ножом пять или шесть человек.

– А что скажете про розу?

– Роза как роза. Ничего особенного.

– Если не считать одной закономерности. Обратите внимание, мой друг, центральный плод обрамлён пятью лепестками, а те, в свою очередь, окружены еще пятью, между последними находятся пять маленьких листиков. Всего пятнадцать.

– И что с того?

– Уверен, это неспроста.

– У вас есть доказательства?

– Пока нет. Нужно время, чтобы их отыскать. Меня смущает один факт: преступник вытащил бумажник профессора и даже польстился на его трость, а золотой брегет не взял.

– Действительно, странно, – согласился Роберт. – Такие часики стоят не меньше пятидесяти фунтов. А что говорит инспектор?

– Он уверен, что это обычное ограбление.

– А что вы хотели? Это же копэ. У него мозги работают иначе.

– Простите?

– Слово copper на жаргоне означает «полицейский». Оно пришло к нам из Индии. Глагол «коп» (to cop) означал «берегись!». Потом он получил второе значение – «арестовывать». И уже затем превратился в существительное «копэ» (copper) – «полицейский». Я не удивлюсь, если американцы, относящиеся к британскому английскому по-варварски, превратят «копэ» в короткое «коп» (cop).

– И тогда всё вернётся на круги своя.

– Ну да бог с ним, с языком. Но что мы будем делать дальше, капитан? Каким курсом нам следовать?

– Поедем на похороны профессора. Надеюсь, мы успеем.

Аткинсон открыл луковицу часов и сказал:

– Конечно, успеем. Похороны в два.

– А вы откуда знаете?

– Мой отец там будет. Он и сказал мне об этом.

– Ваш отец знал мистера Пирсона?

– Ну да. Он входит в попечительский совет Лондонского института, где читал лекции профессор.

– Что же вы раньше мне об этом не поведали?

– А вы и не спрашивали.

– Тогда нам нужен кеб.

– На этот раз предлагаю воспользоваться подземкой. Так будет и дешевле, и быстрее, но потом всё равно придётся нанимать коляску.

До ближайшей станции паровой подземной железной дороги друзья добрались пешком.

Купив в кассе билеты в вагон второго класса, Ардашев и Аткинсон спустились по каменной лестнице. Контролёр проверил билеты и указал на платформу, куда должен был прибыть состав. Красная стрелка на стене сообщала о направлении движения поезда. Ардашев, впервые увидевший метрополитен, с интересом смотрел по сторонам. Посередине тоннеля проходили два пути, и составы беспрепятственно двигались в обоих направлениях. Дым, гарь и пар, идущие от паровозов, частично уходили вверх благодаря своеобразным вентиляционным шахтам, но большая их часть оседала на стены, пол и проникала в лёгкие лондонцев.

Вдоль платформы высились чугунные столбы с коваными узорами под потолком. На одном из них висели круглые часы. Поезда шли от Паддингтона до Фарингдон-стрит и обратно через Юстон и Кингс-Кросс и приходили через каждые пять минут. Внутреннее пространство станции освещалось электрическими лампами, упрятанными в стеклянные плафоны.

Раздался длинный гудок, и показался локомотив, тянувший за собой восемь вагонов. Он летел на полной скорости и, выпустив пар, вдруг замер, точно приклеился к рельсам. Такая внезапная остановка стала возможной благодаря специальной системе тормозов, разработанной для метрополитена. Белые буквы на паровозе сообщали о конечной станции данной линии. Захлопали двери. Людская толпа рекой хлынула на платформу. Ардашев замешкался, уступая дорогу дамам.

– Поторопитесь, капитан, – предупредил Аткинсон. – Поезд стоит недолго. Нужно успеть зайти в вагон.

Паровоз тронулся и, набирая ход, понёсся по тоннелю. Вагон освещался слабо. Женщины и мужчины восседали на оббитых кожей скамьях, установленных вдоль вагона. Сильная половина человечества, невзирая на присутствие слабого пола и задраенные окна, невозмутимо дымила трубками и сигарками. За порядком следил кондуктор, выкрикивающий на остановках названия станций.

Когда локомотив, подрагивая на стрелках, остановился, Роберт поднялся и вернул билет кондуктору. Его примеру последовал и Клим. Захлопали двери вагонов. Народ устремился к выходу.

Выбравшись по лестнице на свет божий, Аткинсон спросил:

– Как вам путешествие?

– Необычно, но на свежем воздухе дышится легче, и даже уличный запах конского навоза – ничто по сравнению с душной гарью метрополитена.

– Это лишь первое впечатление. В будущем многое может измениться. Технический прогресс не стоит на месте. Изначально метрополитен строился открытым способом. Вырывали траншею глубиной до десяти ярдов. На дно укладывали рельсы, воздвигали стены и кирпичные своды. Сверху всё засыпали землёй. Фактически подземка пролегает в четырёх футах от поверхности дорожного полотна. Инженеры спроектировали движение составов с помощью сжатого воздуха. Но при строительстве выяснилось, что невозможно добиться стопроцентной герметизации тоннелей. От первоначального проекта отказались и вернулись к паровозной тяге. Правда, решили использовать локомотивы с паровыми машинами конденсаторного типа. Они используют отработанный пар. Но, как видите, это не особенно помогает. Дым и гарь обволакивают состав. Как бы там ни было, но открытие первой ветви подземки состоялось двадцать один год тому назад – за четыре года до моего рождения. С тех пор построили новые линии.

– Двумя годами раньше в России только отменили крепостное право, – грустно усмехнулся Ардашев.

– Знаете, я всё хотел у вас спросить: почему в России до сих пор нет парламента? Ведь самодержавие тормозит развитие прогресса, не так ли?

– Сложный вопрос, – вздохнул Ардашев. – Русский народ, как и власть, пока не готов к таким переменам. Вероятно, когда-то это и произойдёт, но только хотелось бы, чтобы этот переход прошёл безболезненно для моей страны, без виселиц и погромов.

Навстречу двигалась странная процессия. Четырнадцать каторжников, скованных попарно, гремя кандалами, плелись под охраной вооружённого конвоя. Их головы были выбриты на арестантский манер, а на куртках виднелась цифра 14. Всё стало понятно, когда позади строя показался пятнадцатый арестант с плакатом, на котором было написано: «В театре-варьете “Альгамбра” премьера! Мюзикл “14 дней тюремного заключения”. Ждём!»

– Оригинально! – покачал головой русский студент. – И смело. Не могу представить подобный рекламный розыгрыш где-нибудь на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Городовой немедленно бы всех задержал и доставил бы в участок.

– В этом и есть отличие либеральной формы правления от единовластия. Каждый гражданин имеет право на свободу самовыражения. Разрешено всё, что не запрещено законом. А законы принимает парламент, члены которого выбираются народом.

Клим не ответил. Он остановился рядом с уличной торговкой цветами.

– Мне нужно два букета, – сказал он. – На похороны.

– Живые или искусственные?

– Живые.

– Тогда возьмите белые лилии.

– Хорошо.

Студент расплатился и протянул другу один букет.

– Я заболтался и совсем не подумал о цветах, – виновато проронил Роберт.

– Не беда.

– Вот и кабриолет, – обрадовался Аткинсон. – Нам ехать минут десять, не больше.

На этот раз друзьям попался не двухколёсный кеб конструкции Чапмена, а четырёхколёсный брогам. По сути, это была обычная одноконная коляска с откидным верхом для двоих человек и ко́злами кучера впереди. Неожиданно пошёл мелкий дождь, и кожаный полог экипажа пришёлся весьма кстати.

Глава 3
Взлом сейфа

Роберт оказался прав, и поездка заняла немного времени. Не стоило большого труда определить, какой из трёхэтажных особняков по улице Кенсингтон Парк Гаденс принадлежал покойному профессору. Катафалк с четвёркой лошадей, мирно переступавших с ноги на ногу, украшенных, фиолетовыми попонами и плюмажами, стоял у дома номер семь, как и длинная вереница траурных карет. Несколько человек, прячась от дождя под зонтами, курили рядом с окнами. На козлах, запахнувшись в плащи и макинтоши, мокли кучера в цилиндрах. Дверь была открыта. У входа пригорюнился плакальщик с посохом, перевязанным траурным бантом. Его высокий цилиндр со свисающим до пояса чёрным шарфом пояснял, что хоронят взрослого – на детских похоронах надевали белый шарф. Соболезнующие то входили в дом, то покидали его. Входной механический колокольчик с отвязанным шнуром молчал, а электрическим звонком на похоронах не пользовались. Двое молодых людей с траурными повязками из крепа, очевидно студенты, несли венок. За ними торопился фотограф с треногой и фотоаппаратом в чехле. Экипажи то и дело останавливались неподалёку, высаживая пассажиров. Пожилые дамы по старинке были облачены в чёрные плащи с капюшонами, а джентльмены, родившиеся, вероятно, ещё при Георге III, в дополнение к плащам обвязали цилиндры траурными лентами.

Солнце спряталось за тучи. Пахло сыростью, угольной гарью и конским навозом.

Расплатившись с возницей, Ардашев и Аткинсон вошли в дом и сразу же сняли головные уборы. Верхнюю одежду приняла горничная и повесила в шкаф. Зеркала в передней были завешены. Заметив, что Клим обратил на это внимание, Роберт пояснил:

– В доме покойного у нас всегда закрывают зеркала. Это всё из-за страха увидеть мертвеца за спиной. Суеверия живучи.

Ардашев оглядел комнату. Полированный дубовый гроб с телом профессора стоял посередине. Окна были открыты. Вдова – привлекательная блондинка – хоть и носила траурный наряд (чёрную шляпку, украшенную такими же страусовыми перьями, вуаль, платье из бомбазина, отделанное крепом), но выглядела очаровательно. Тонкие и правильные черты лица, присущие аристократкам, и стройная фигура не позволяли и помышлять, что после смерти мужа она останется без мужского внимания. С левой стороны её пышного бюста сияла брильянтовая брошь, выделявшаяся на фоне чёрного платья. Украшение представляло собой равносторонний треугольник из платины с брильянтами – по четыре на каждой стороне и одним по центру. Центральный камень свисал на едва заметной платиновой нитке. «А профессор-то баловал свою молодую цыпочку», – заключил Ардашев. Рядом с женой покойного с грустным лицом сидел мужчина лет сорока, вероятно родственник то ли вдовы, то ли усопшего. Благодушный вид его лицу придавал широкий нос, большие добрые глаза, толстые, точно негритянские, губы и живот, который уже нельзя было скрыть. «Судя по широкополой шляпе в его руках, чёрной сорочке, жилету и короткому сюртуку, он не просто исповедует вероучение квакеров, а, возможно, является их пастором, если, конечно, они у них есть, – предположил русский студент. – Этакий сельский английский священник». Подле него на стуле умостился молодой человек в сюртуке и очках, лет двадцати пяти. Его пышные курчавые каштановые волосы свидетельствовали о молодости, а умный взгляд из-под очков, покоившихся на прямом носу, говорил об образованности. Он искоса поглядывал на вдову, а она, поймав его взгляд, тотчас подносила к сухим глазам кружевной платочек с чёрной каймой. «Скорее всего, помощник профессора», – мысленно отметил незнакомца Ардашев.

Клим и Роберт положили к гробу цветы и втесались в окружение соболезнующих.

– Ишь бесстыжая! – донёсся до Ардашева женский шёпот. – Смотри-ка, уже и брильянты напялила!

– Наглая срамница! – вторил другой, уже немолодой скрипучий голос. – Первый год после смерти мужа вдове дозволяется носить только дешёвый гагат и ничего другого!

– Вот-вот! А брильянты можно надевать лишь через два года и один месяц после кончины супружника. Не могла дотерпеть, охальница!

Ардашев повернулся вполоборота. У него за спиной судачили две ветхозаветные англичанки в чёрных плащах, наверняка перешагнувшие девятый десяток. Время высушило морщинистую кожу на их лицах, и лишь влажные пожелтевшие белки глаз то вспыхивали, то угасали угольками, как в юности.

Мёртвый профессор почти не отличался от живого. Только раненая шея была закрыта стоячим воротником, нос заострился, и кожа пожелтела. Фотограф, установив аппарат, делал снимки для carte-de-visite с тем, чтобы родственники могли раздавать друзьям семьи посмертные фотографии покойного. Электрического света в комнате было достаточно, и жечь магний в тарелках не было необходимости.

Пышно декорированный гроб утопал в белых лилиях.

Католический священник дал знак, и скорбящие стали подходить к гробу по очереди, кладя ладонь на грудь профессора. Ардашев повернулся к спутнику и спросил:

– А что они делают?

– Мистер Пирсон погиб насильственной смертью. И в таких случаях каждый из скорбящих по заведённому издревле обычаю должен положить покойному руку на грудь.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что среди пришедших нет убийцы.

– А как это можно определить?

– Считается, что если душегубец коснётся дланью тела усопшего, то его раны начнут тотчас же кровоточить.

– Прекрасно. Сейчас мы это и проверим.

– Ага, – иронично хмыкнул Аткинсон. – Вам ведь тоже придётся тронуть мёртвое тело, вот и посмотрим, прав или нет был коронерский суд, отпустив вас на все четыре стороны.

– Что ж, давайте.

Уже приблизившись к профессору и коснувшись его рукой, Ардашев почувствовал, как у него забилось сердце. Профессор, казалось, улыбался ему с закрытыми глазами. И хоть Клим знал, что у покойников сохраняется на лице подобие улыбки из-за специфических мышечных изменений, но студенту почудилось, что своим насмешливым выражением лица старик спрашивал у него, почему убийца, находящийся на похоронах, до сих пор не уличён.

– Ну вот теперь я вижу, что вы невиновны, капитан, – продолжал шутить Роберт.

– А вы?

– Я же шёл за вами. Неужели вы не обратили внимания на моё прикосновение к покойному?

– Я не мог этого видеть. Вы находились за моей спиной, и не факт, что вы дотронулись до усопшего, – усмехнулся Клим.

– За мной наблюдали десятки глаз, и миновать прикосновения было невозможно.

– Скажите, друг мой, а почему торговка цветами продала мне белые лилии?

– Потому что англичане их чаще всего кладут к гробу и на могилу.

– А розы?

– Только белые, но очень редко.

– В таком случае смею вас заверить, что способ определения преступника не сработал.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, кроме того, что убийца профессора Пирсона находится среди нас.

– С чего вы взяли?

– Среди лилий я заметил букет белых роз. Всего пятнадцать бутонов. Столько же лепестков и листиков насчитывалось на искусственной розе, найденной под Темзой.

– Да кто же он, чёрт возьми! – прошептал Роберт и принялся озирать присутствующих. Неожиданно он уставился на высокого джентльмена с проплешиной, бакенбардами типа «баранья отбивная» и бритым лицом. Встретившись взглядами, оба кивнули друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.